

МЕЛОДИЯ ВРЕМЕНИ

The image is a book cover for 'Мелодия времени' by Полина Покровская. It features a man and a woman in silhouette, standing on a reflective surface like a wet street or a beach at night. They are facing each other, and their forms are reflected on the ground. In the background, a city skyline with illuminated skyscrapers is visible under a dark sky. A bright, vertical light source, possibly the sun setting or rising, creates a strong glow and a path of light on the reflective surface. The overall mood is romantic and contemplative.

Полина Покровская

Полина Покровская

Мелодия времени

<https://litres.ru/73972276>

SelfPub; 2026

Аннотация

«Помогите. Я здесь четыре года». В коридоре наркоклиники она слышит шёпот, который меняет всё. Не наркоман и не сумасшедший. Он наследник фармацевтической империи и единственный, кто может найти формулу антидота, способного излечить миллионы людей.

Петербург будущего: предметы собираются заново на другом конце света, кольцо с ИИ носит каждый, а интуиция оказывается не мистикой, а наукой. Это разговор с собой из будущего, навык, который можно тренировать. Голос, который ответит «да» или «нет» в ту самую секунду, когда от ответа зависит всё.

Ему решать: миллионы или она одна. Она не отпустит его, что бы он ни выбрал. Получится ли у них победить систему, остаться людьми и услышать ответ сквозь время, когда он будет нужнее всего?

Содержание

1. Подойди	4
2. Помоги	17
3. Освободи	28
4. Удержи	49
Конец ознакомительного фрагмента.	50

Мелодия времени

1. Подойди

«Подойди».

Она послушается. Она всегда слушается его.

Окно в нескольких шагах от лифта. То самое граничное время дня и ночи, когда темнота рисует чёрные точки в сером воздухе. Дождь отрывисто стекает, поблёскивая в дымке фонаря. Худощавая фигура в узкой полосе света. Он присядит на подоконнике, сложив руки на груди. Ноги скрещены. Серая футболка и штаны — форма пациента, сланцы, чёрные волосы падают на лицо.

Стены цвета стали с толстым металлическим бордюром. Тусклый белый свет от тонких длинных ламп нарезал лифтовой холл на прямоугольные призмы полутени. Запахов нет. Едва различимое шипение: воздух — очищенный, прохладный, нужной влажности — врывается в тишину под потолком. Точка поставлена, она запомнит. Осталось поставить вопрос.

«Подойти?»

Надо ехать. Проверить статью сегодня, пока свеж в памяти разговор. Освободить голову на ночь, дать подсознанию сделать свою работу, чтобы утром свежим взглядом перекроить начисто и сдать. И почему вообще?.. Что в этом может

быть, не просто важного, а настолько?

«Да». Вздохнула. Нет смысла рассуждать. «Подойди». Голос прозвучал в голове сразу, как он мягким жестом позвал её и кивком пригласил присесть рядом, она ничего не спрашивала.

Высокий переливчатый писк вспорол шипящую тишину. Лифт открылся. Слепящий свет из кабины залил фигуру в брючном костюме. Она была из тех, на ком болотный превращается в оливковый: смуглая кожа, каштановые волосы, карие глаза. Две складочки пролегли между бровями. Повернув голову, она машинально заглянула в кабину. Он истолковал это иначе:

— Подойдите, — шепнул он.

Пауза.

— Пожалуйста.

Шепнув «Эри, пишем» и сложив руки на груди, она приблизилась. Блеснуло на изящном пальце тонкое, как струна, кольцо.

— Добрый вечер? — внимательно, вопросительно и открыто она посмотрела на молодого человека. Он встал и поднял на неё взгляд усталых глаз. Тень от небрежной косой чёлки посторонилась, и ей открылось узкое измождённое лицо: с острыми скулами, резким подбородком, носом с небольшой горбинкой. Холодный, хлёсткий импульс, зародившись в груди, растёкся по плечам и сбежал по позвоночнику. Не у всех есть любимый цвет глаз. У неё был — карий. Только

тёмные радужки способны создать такой взгляд: глубокий — можно долго вглядываться в темноту и так и не увидеть дна — и одновременно пронзающий, он словно растворяет все маски и смотрит прямо в душу. Не у всех кареглазых такой взгляд. У него был.

— Помогите мне, — спокойный, тихий голос, полушёпот. Он смотрел ей в глаза прямо и решительно, но решительность эта была мрачной: печальной, усталой, бесстрастной. — Я здесь четыре года...

Уголок прорезался на прямой брови, когда она подскочила вверх:

— Как это?

Точка невозврата – три, хотела сказать она. Кто не излечился от транса, нарко-бича современности, за три года, уже не излечится. И в наркоклинике таких не держат. Это знали все, а она, готовясь к интервью, ещё и разобралась, почему. Метод реабилитации, практикой которого и занималась монопольная сеть клиник «Феникс», был один. Дозу наркотика медленно сокращали, подмешивая авторские заместители. Реакций могло быть три. У большинства организм принимал подмену ровным темпом, и через два-два с половиной года они выходили чистыми. У редких счастливиц, если вообще можно так назвать кого-то из, фактически, заключённых, постоянно испытывающих ломки разной степени тяжести, заместители усваивались быстрее. Такие освобождались от зависимости за год-полтора. А у некоторых, наоборот, на-

растало отторжение: ломки ужесточались, дозу заместителей приходилось сокращать снова и снова, пока они не становились настолько ничтожными, что выздоровление заняло бы больше продолжительности жизни долгожителя. Регрессивная реакция.

— Я здоров, — предвосхитил он вопрос, готовый сорваться с приоткрывшихся было губ. — Да вы и сами видите.

Она видела. Ясные глаза, спокойные жесты без резких, дёрганных движений, чёткая понятная речь без эмоциональных всплесков. Поэтому она кивнула.

— Вы — журналистка, и я думаю, — он опустил взгляд, — если выйдет статья, им придётся отпустить меня.

— Почему вы всё ещё здесь?

Он снова посмотрел на неё:

— Времени нет. Камера включится через минуту. Проверьте сами: мое имя — Маттейс Мейер.

— Как владельца? — журналистское чутьё забило, заклокотало внутри так, что даже руки хотели было вырваться на свободу и жестами поучаствовать в разговоре, но профессиональная привычка удержала их на месте, чтобы не испортить запись, поэтому они лишь дрогнули и тут же снова сжались на плечах.

— Мой дядя, — глаза Маттейса блеснули ненавистью, и оттого, что в полумраке коридора они казались почти чёрными, выглядело это ещё более зловеще. — Всё, идите, по-

жалуйста. Вы мне поможете?

— Не могу обещать, я ничего не знаю. Но обещаю разобраться.

Он кивнул:

— Спасибо. Большого не могу и просить, — развернулся и быстро пошёл прочь.

Поворачивая за угол, оглянулся. Коридор изгибался буквой П с окнами на перекладине. Он остановился на одном её углу, она так и стояла на втором, на том же месте. Он недвусмысленно махнул рукой в сторону лифта. Она кивнула и скрылась за поворотом.

— Эри, Маттейс Мейер, — раздался её голос, едва дверца автомобиля захлопнулась. — Племянник Дрейка Мейера.

— Так-так, зацепил тебя таинственный незнакомец? М? М? — отозвался в ухе озорной с хитринкой женский голос; реакции не последовало. — А, ладно, ну тебя, Мел. Минутку... нашла. Не лопнешь, если я сначала проанализирую?

— Не успею, — улыбнулась Мел и скомандовала: — Домой.

Так и подмывало сказать Эри, чтоб не отвлекалась на подковы, лучше бы искала быстрее. Но смысла в этом не было: Artificial Intelligence Ring, AIR — кольцо с искусственным интеллектом, которое Мел назвала Эри, изящно тонкая полоска позолоты на её пальце, могла выполнять множество задач одновременно. Да и озорной характер Мел выбрала ей специально — сама от природы серьёзная, так что некоторые

могли даже назвать её скучной, она любила встряхнуться от шуток Эри, хоть и плосковатых, компьютерных.

Откинув голову на эргономичный подголовник, Мел растворилась в мягкости кресла и любимой свежести морского бриза — однажды настроив этот запах, она его не меняла. Море всегда успокаивало её, погружало в атмосферу безмятежности и радости, как в детстве, когда они с мамой и папой отдыхали на лучших пляжах Земли.

Мотор мерно заурчал, машина плавно качнулась и начала вертикально подниматься в воздух. Трафик поздним вечером был небольшой, потому взлетать под облака не пришлось. Лишь только крыша этого крыла клиники скрылась под днищем, чёрная Ауди устремилась по прямой на Каменный остров. В тот же миг уже начавшее отгораживаться от внешнего мира и погружаться в свои мысли сознание пронзило открывшееся зрелище: закат. Солнце обернулось художником, но, то ли вдохновлённое близким вхождением в летнюю власть, то ли, наоборот, исписавшись в отчаянных поисках абсурдной новизны, хотя, возможно, просто так, без причины, оно перепутало палитру. Сегодня это была не привычная, уютная, а потому незаметная, не отвлекающая от дел и мыслей жёлто-оранжево-красная гамма, и даже не редкая тревожная кроваво-алая. Этим вечером небесное полотно было исполосовано широкими мазками фиолетового и розового, снова и снова переходящими друг в друга через все оттенки фуксии. Там, куда последние лучи уже

невидимого диска не дотягивались, небо было фиолетовым. Не чёрным, не чернеющим синим, чего от него все привыкли ожидать. Всё небо, справа, и слева, и сзади — чистого, безупречного оттенка насыщенного фиолетового. Казалось, ещё немного, и оно не выдержит, начнёт сочиться дождём из розовой гуаши через призрачные прорехи. Старое фиолетовое одеяло, брошенное на розовую простынь, протёртое до дыр по центру, но в остальном почти совершенно целое, неведомо как сохранившее первоизданную яркость красок.

«В жизни такого не видела», — подумала Мел. — «К добру или не к добру?» Ответа не последовало, и Мел вздохнула. Ведь это могло значить как «ни то, ни другое — ничего важного не намечается, поэтому я об этом даже не помню», так и «и то, и другое, и побольше, и можно без хлеба».

— Мел, — прервала её размышления Эри, — Маттейс Мейер — сын основателей «Феникса». После гибели родителей четыре года назад сам подсел на транс. Клиники перешли его дяде.

— Чёрт... Как погибли родители?

— Пожар в лаборатории. Официальное заключение — несчастный случай. Сейчас покажу, как он попал в клинику, скажи только, хочешь что-то особенное на ужин или по меню, без изменений?

— Сама выберу, как приедем, спасибо, Эри. Показывай.

Кольцо спроецировало в воздух перед Мел прозрачный экран. Новостной сюжет повествовал о том, как молодого

владельца клиники, студента Государственного Института Охраны Правопорядка Санкт-Петербурга, сломила гибель родителей. Бары, драки, не та компания — и транс.

Пара умильных фото юноши: смеющегося в кругу друзей, улыбающегося родителям. Короткая стрижка, та простая, но качественная идеально сидящая одежда, которую выбирают состоятельные люди с хорошим вкусом — без кричащих лейблов на полгруды. Не знаешь — не скажешь, сколько стоит. Широкие плечи, рельефная спортивная фигура разительно отличались от мужчины в клинике. Черты лица заострились, теперь его можно было назвать скорее художавым и жилистым, чем ходячей рекламой фитнес-центра.

Автомобиль начал едва заметно замедляться. Фото сменились нарезкой видео с камер наблюдения. Озлобленный подросток, остервенело раздающий точные удары, небрежно стирающий струйку крови в углу рта.

Ауди приземлилась во дворе у толстого дуба. Ночь должна была бы уже наступить, но будучи белой, она так и мялась кокетливо на пороге, не решаясь накрыть землю чёрным одеялом целиком. Мел вышла из машины и досматривала уже на ходу, пока шла по дорожке, а молодые травинки пробивались между камнями ей навстречу рядом со своими скошенными друзьями, и когда привычно обогнула бульжник с особенно выпирающим бугром, чтобы не споткнуться, и пока поднималась по лестнице двухэтажного дома из камня и стекла. Машина тем временем направилась в паркинг.

Закончился ролик уже в прихожей угрюмым лицом Дрейка Мейера. «Это тяжёлое время для нашей семьи. Но «Феникс» продолжит помогать нуждающимся. Не волнуйтесь, это непоколебимо».

Репортаж оставлял нужное впечатление: жаль парнишку, но ничего удивительного. Столько денег, горя и ответственности в девятнадцать — закономерно. Вот только Мел хорошо знала, как легко выдёргиваются факты из контекста, миксуются, разбавляются — и, вуаля! Готов сюжет, совершенно противоположный реальности. Что же именно не нравилось ей в этом ролике...

На пульте мультиповара Мел выбрала консистенцию — твёрдая, вкус — индейка с овощами, потом ягодный смузи. Картриджи водорода и фосфора загорелись красным, но тут же сработал автопополнитель, и они вскоре сыто погасли. Жаль, поздно вернулась сегодня — отец, конечно, уже поужинал. Устроилась на барном стуле за стойкой. В одиночестве за длинным обеденным столом ей всегда вспоминались времена, когда они собирались за ним втроём. Завтраки и ужины из искусственных органических соединений по будням — вкус не такой яркий, зато быстро и не напортачишь: точно те вещества, микроэлементы, витамины, какие нужны именно твоему организму именно сейчас, с любимым вкусом. А по выходным мама сама любила встать к плите и порадовать их настоящими блюдами из фермерских продуктов. Как она улыбалась, слушая трескотню Мел об университетской жиз-

ни, раскладывая по тарелкам сырники или выставляя блюдо с блинами, глядя, как папа ухмыляется при неосторожном упоминании парней... Солнце играло в её волосах, заливая столовую через панорамные окна, терпкий запах свежего кофе бодрил и умиротворял одновременно, говоря: всё хорошо, здесь живёт счастье... Да, сесть за стойкой не помогло, хотя три года уже, как её нет.

Мел встряхнулась от писка мультиповара, достала ужин и принялась кромсать субстанцию мясного вкуса, эстетично сервированную, по форме напоминающую сплюсненную розочку. Действительно, что настораживало? Вторая часть сюжета, которая должна была настроить массы против сбившегося с пути мажора. «Алкоголь, разудалые вечеринки в ночных увеселительных заведениях, неоднократно заканчивавшиеся драками...» — вещала репортёр. В нарезке были кадры лишь одной драки, в одном месте.

— Эри, Маттейс совершал что-то противозаконное до этого репортажа? Есть упоминания о драках с его участием или ещё что?

— Ищу, Мел. Взгрустнулось?

— Да, навеяло воспоминаний. Печальная история у этого парня.

— Понимаю, тебе хотелось бы, чтобы мама была жива.

Ох уж этот программный эмоциональный интеллект. Мел не ответила, расправляясь с «овощами» — листиками, выложенными вокруг цветочка.

— И... нет, Мел, ничего. Он, похоже, вообще не очень-то жаловал писак, темная лошадка. Одно интервью после смерти родителей, и все. Потом только этот ролик.

— Контакт, Майпик, что там ещё? — начинающие наркоманы склонны проводить время в компаниях, чаще всего, жаждут внимания. Соцсети стоило проверить.

— Обижаешь, всё проглядела. Ничего жестокого, никаких намёков на смену паттерна поведения. Сама посмотри, — Эри включила стену, её часть превратилась в экран: на проектируемый с кольца смотреть во время еды было неудобно. — Впрочем, там ничего и нет после гибели родителей.

Показалась лента фото и видео. Улыбки, тёмные очки, дорогой автомобиль. Девушки, друзья, тренировки. Девушки, к чести мажора, не вперемешку: несколько месяцев одна, ещё дольше — другая, дальше листать Мел не стала. Друзья тоже ходили на адекватных. Чаще всего повторялись двое, остальные — эпизодически, иногда вкраплялись людные тусовки. Чаще на природе или в виртуальных симуляциях с рыцарями, чем в баре.

— Что за единоборства? — любопытствовала Мел о фото с тренировок. Начала листать обратно, присматриваясь внимательнее.

— Девяносто четыре из ста, что самбо. Шорты, да и в ГИОП его преподают.

Взгляд зацепился за пистолет — похоже, в тире. И — вот оно, то фото с родителями. «Чтоб нам всем так любить) С

годовщиной, родные!»». Мел отметила ник и отвела взгляд.
Thijs.Maiyer.

— Тейс, значит, — задумчиво произнесла она.

В столовую заглянул Сергей — телохранитель отца:

— Мел, приятного аппетита, я вечернюю проверку системы безопасности провёл, вы с отцом никуда не собираетесь? Я бы отвёз его машину на ТО.

— Я — точно нет, папа, думаю, тоже. Конечно, спасибо тебе. Только, ты успел поужинать?

Сергей кивнул и вышел. За десять лет он стал практически членом семьи и выполнял не только обязанности охранника, но и помогал чем мог, особенно после смерти матери Мел.

Из смежного со столовой кабинета показался отец. Улыбнулся, но приветствие было остановлено звонком его кольца. Он жестом попросил Мел подождать, пожав плечами в немом извинении.

— Да, — короткая пауза, отец развернулся к кабинету и заговорил резко, яростно. — Послушай, заставь этого «излучающего свет» излучать ещё и пользу! Год — год! — никаких подвижек! Этот чёртов препарат нужен нам...

За закрытой дверью слов стало не разобрать. Мел настрожилась: спокойный, уравновешенный, справедливый — он бывал таким крайне редко. Его стиль управления — командная работа, взаимное уважение и тщательный подбор кадров. За все три с половиной года, будучи мэром, он даже

по статье никого ни разу не уволил: кто не справлялся, сами соглашались на заявления по собственному. Она по пальцам могла пересчитать, сколько раз видела отца выведенным из себя. В последний раз — когда не получалось спасти маму... Захотелось зайти к нему, обнять, спросить. Но если бы он хотел рассказать, дверь не закрыл бы. Мел сжала вилку, отвернулась к окну. За стеклом дуб поглаживал ветвями белую ночь.

— Мел, наш добрый дядюшка звонит, — звонка слышно не было: журналистка держала своё кольцо на тихом режиме — не хотела однажды прервать интервью.

— Давай без видео.

Эри добавила «Будь осторожна» и ответила на вызов. Мейер-старший выглядел ещё более усталым, чем на интервью. Еще бы, всего тридцать три, а такая ответственность, подумала Мел тогда, утром. Но что, если ответственность не только за клинику, крутилось в ее голове сейчас — и она не хотела, чтобы Дрейк прочитал это на ее лице.

— Мелодия. Простите за поздний звонок. Я очень не вовремя? — голос был отрывист и резок.

— Добрый вечер, Дрейк. Нет, всё в порядке, просто я уже в домашнем — буду без видео, если не возражаете.

— Конечно. Я знаю, Вы говорили с моим племянником сегодня...

2. Помоги

Дождь закончился, а вот ночь началась — беспокойная, ветреная. Ветви старого дуба так и ходили ходуном. Мел следила за ними взглядом, лёжа в постели. Вот-вот, кажется, сметёт с на редкость чистого неба все звёзды, как веником. Её друг детства, он часто становился точкой в её вопросах. Качели из широкого чёрного ремня до сих пор украшали толстую нижнюю ветку — в редкий свободный и солнечный летний выходной вместе с отцом вешали, а потом тестировали все втроём до обеда.

Вот и сейчас, она надиктовала Эри и про ветки со звёздами и веником, и про ночную гулкую тишину, наполненную лишь переговорами качающихся и стонущих — как старики на лавочке — деревьев, да свистом особенно сильных порывов. Чтобы точно не забыть потом ответить, вопрос был важен. «Помочь?»

Но голос на этот раз не был уверен. Ответ не просиял сразу. Такие моменты Мел очень не любила: всё равно, что кота Шрёдингера за хвост тянуть. Теперь не быть уверенной, то ли забыла и не ответила, то ли день грядущий такую красоту готовит, что отвечала много раз, и противоположное. «Да» — то ли услышала, то ли хотела услышать. Вздохнула. Завтра, тогда всё завтра. Увидит его — и решит. Хотя, что это может изменить? Видимо, что-то может.

Дрейк — они ещё на интервью условились обращаться друг к другу по имени — всё объяснил, и ситуация у них с Тейсом была щекотливая. Его организм выдал регрессивную реакцию, он был абсолютно, бесповоротно неизлечим. По закону, дядя обязан был перевести его в клинику для душевнобольных, для пожизненного ухода, больше полугода назад. По-простому — сдать в психушку на добивание. Понятное дело, государство полчища неизлечимых наркоманов трансом за здорово живёшь не потчует. Выдают крохи, достаточные, чтоб протянуть несколько лет в качестве бесплатной рабочей силы. Разбавляют найдешевейшим прошловековым обезболивающим, которое по печени бьёт, как древний молот по наковальне. В ломке помогает не шибко, потому заведения эти всегда на отдалении от городов, а по большей части — на Луне. Вроде, и то «клиники для душевнобольных», и это — но в городские наркоманов не определяют, а в лунные — небезнадёжных. Так и работают регрессоры на благо общества, пока не сгинут. В основном, полезные ископаемые на Луне добывают, но кто-то и на Земле — кто овощи выращивает, кто леса засаживает, кто полицейскую форму строчит, смотря на чём психушка специализируется. Считается, единение с природой, оно выздоровлению способствует. Но регрессоры от транса не выздоравливают. Дрейк не хотел такой судьбы для Тейса. Оставил под шумок в клинике, замаял — и продолжил терапию. Надеется, что светила в его лабораториях произведут-таки на свет антидот, над ко-

торым ещё его брат с женой работали. Вот и выходило, узнай общественность, что дядюшка племянника четвёртый год в «Фениксе» держит — и окажется он не на свободе, а, считай, живым в могиле.

Навредить не хотелось. Но чутьё точил червячок сомнения. Опыта общения с наркоманами на терапии у Мел не было, но поведение и изложение мыслей у Тейса ничем не отличались от нормального. Если верить исследованиям, при таком стаже планирование и целеполагание не должны быть коньками больного. А тут — план побега какой-никакой. Да и его попадание в «Феникс» выглядело шитым белыми нитками. Если вдруг так — он в опасности.

Потому Мел и договорилась о визите завтра вечером — всё, что смогла придумать на ходу. Посещения в клинике не запрещены, наоборот, всячески приветствуются как положительно влияющие на динамику излечения.

Хорошо хоть, Дрейк не видел её лица, это она вовремя тогда сообразила. Если дядя — не такой уж добряк в этой истории, что он может сделать Тейсу, зависит от куша и от того, насколько племянник может ему напакостить. Может быть, сработает, и не станут его трогать до встречи с ней. А могут и повторно трансировать, и даже убить — не выдержал организм заботы, сплошь и рядом встречается. Смерть пациента со сроком пребывания более трёх лет объяснить трудно, но когда ты — хозяин клиники... можно и в прошлое это событие по бумагам перенести, например, невелико дело. А если

свидетелей не оставить... чёрт. Ситуация — просто куча... отнюдь не взбитых сливок.

Мел встала, открыла шкаф. Вот она, заранее заготовленная блузка, чистая и без единой складочки. Подошла к туалетному столику, достала пилку для ногтей, присела на пуф. Права на ошибку нет, тут, как у Гиппократата — не навреди. Мерные движения затачивали ноготь указательного пальца в острый треугольник. Но есть ли хороший исход? Не потому ли молчит голос, что нет? Если опубликовать статью в сценарии «дядя не врёт» — плохо. А если в сценарии «дядя-злодей» — что мешает ему вколоть Тейсу транс и публично покаяться в любви к племяннику, как он это исполнил сегодня для Мел? И, надо признать, как исполнил — если врёт, какой актёр пропадает. Пилка вернулась в ящик стола, а Мел — в кровать.

Нет, убивать Тейса сейчас он не будет, иначе придётся убить и её. А зачем, если она — не просто не сирота, а дочь мэра столицы Евразии, и, может быть, поверила в его историю? А она, и правда, поверила: вон как страшно собственноручно человека в психушку отправить. Нет, пусть посмотрит девчонка на племянника, он это переживет — может, и забудет о нём. А если нет...

Дрейк за последние четыре года привык решать проблемы по мере поступления. А было их у него немало. Откупорив бутылку виски и прихватив кубический стакан, он откинулся в кресле. Нет, не станет. Может, и проблемы-то нет никакой.

А появится — тогда и будем решать. Он плеснул в стакан карамельной жидкости и залпом осушил его, прижал к губам рукав чёрной сорочки с запонкой-пирамидой.

Мел застыла на пороге. Увидеть что-то подобное было ожидаемо, но ожидать — одно, а видеть — другое. Видеть, как некогда вполне нормальный, полный сил человек изломанной куклой мечется на койке. Его била крупная дрожь, прерываемая судорогами. Казалось, он безуспешно искал хоть сколько-нибудь удобное положение. Из позы зародыша лицом к стене — острые позвонки читались через тонкую серую футболку, содрогаясь, он перевернулся на спину, тело его выгнулось, голова запрокинулась, полустон — полурык, скрежет зубов, он дёрнулся, рывком перевернулся на другой бок, обнял руками колени. Глаза его смотрели, кажется, даже на Мел, но не видели — от ясного внимательного взгляда ничего не осталось, будто пелена отделяла его от мира. Руки сжались сильнее, сухожилия проступили на них, как тугие верёвки, голова мотнулась, зарывая лицо в измятую подушку.

— Тейс... — позвала Мел, приближаясь. Он вздрогнул, или же его просто пробил очередная судорога. Осторожно, как в замедленной съёмке, протянула она руку и коснулась его. Руки оказались ненормально холодными. От прикосновения он снова вздрогнул, посмотрел на неё, сощурился.

— Кто т... — Тейс дёрнулся, волной изогнулся от приступа тошноты, едва успел отвернуть голову в сторону, и его

вырвало. Мел сдёрнула шёлковый шейный платок и вытерла ему губы.

— Мелодия Эдивейн. Мел, — поправилась она мягче, глядя ему в глаза, но напряжение в ее лице испортило идею вселить в него уверенность и спокойствие. — Мы виделись вчера, помнишь? — Не пожалела шёлка и на кровать — обтёрла подушку и простынь, скомкала в руках грязным внутрь. Он не ответил.

Вставая, она неловко дёрнула рукой, и ноготь оставил глубокий порез на его плече. Дрожь его не усилилась, казалось, он не заметил. Проступила кровь. Мел прижала манжет алой блузы к ране.

— Прости... — шепнула она, сжала губы. Он снова поднял голову, их взгляды встретились. На этот раз пронзительно-скорбный взгляд Мел, кажется, нашёл осмысленный отклик в мутных карих глазах. Она смотрела, не мигая, твёрдо, удерживая его внимание сколько было возможно. Прижатый к порезу манжет пропитался кровью. Его рука чуть потеплела, согретая её прикосновением.

Наконец, он уронил голову на запятнанную подушку. Резко вытянулся, повернулся на спину, закрыл глаза и поморщился. Дрожь не стихала. Мел сжала его холодную руку:

— Это не навсегда. Это закончится, — Тейс открыл глаза, и снова показалось, что он узнал её. — Потерпи.

«Ветви из стороны в сторону, стоны и звёзды», — воскресила она в голове знакомую картину. — «Помоги», — ска-

зала про себя, вскочила и ушла, не оглядываясь.

— Жаль, что вам пришлось увидеть его таким.

— Вы могли предупредить, и я пришла бы в другой день,

— Мел с укором сложила руки на груди, прикрыв манжет.

— Да бросьте, — Дрейк усмехнулся, но как-то горько.

В глядящих чуть исподлобья глазах было столько тоски, что Мел подумалось: если играет, это страшный человек. Подождал, поправил короткую прядь чёрных, как у племянника, волос, упавшую на высокий лоб. Убрал руки в карманы чёрных зауженных брюк, разведя полы пиджака. Колыхнулся чёрный шнурок с острыми серебряными наконечниками, стягивающий ворот узкой белой рубашки. Мел не стала его опровергать.

— Не выдадите нас?

— Нет, — она не отвела глаз, — Но я не убеждена. Не запретите прийти, когда он будет в адекватате?

— Конечно, нет, это не я решаю. Только сам пациент может не захотеть кого-то видеть.

— Когда он придёт в себя?

— Сегодня ночью ему станет легче. Завтра ещё будет апатия, послезавтра — видимость адекватности. Через день всё повторится.

Мел кивнула, обогнула Дрейка, и ушла, спиной ощущая на себе его взгляд.

— Эри, поликлиника. Гони! — Мел захлопнула дверь,

вцепилась в ворот блузки и покачнулась, когда машина пошла на вертикальный взлёт.

— Мел, пристегнись, — попросила перенявшая управление Эри, зависая в воздухе.

— Сейчас, гони давай, сказала же! — Мел растянула адаптивную ткань, и она тут же начала медленно стягиваться — подстраивалась под размер тела. Машина рванула вперёд, а Мел оглянулась вниз на клинику. Никто не бежал за ней. Тогда она вытянула блузку из юбки и сняла через верх. Манжеты она почти никогда не растягивала — узкие кисти проходили и так.

— Эри, попробуй найти препарат по симптомам, — Мел сдёрнула с пассажирского сидения другую блузу и нырнула в неё; на этой были пуговицы, но они носили декоративный характер — с адаптивной тканью застёжки не требовались, — крупная дрожь, судороги, озноб, помутнение сознания, тошнота, рвота, ну, ты видела. Эффект должен быть с одного применения и не вызывать привыкания сразу.

Мел успела привести себя в порядок и пристегнуться, когда Эри ответила:

— Похоже на антихолинергический синдром, гиперактивная форма. Может быть побочкой от передозировки многих холинолитических препаратов. Чаще всего упоминается аналгобелеин.

Анализ на транс стал единственным, который любой человек мог сдать на любого другого человека. Врачебная тай-

на на него не распространялась. Автоматы для сдачи анализа стояли в каждой поликлинике и больнице. Одновременно проводились анализ на транс — положительно-отрицательно — и идентификация личности по ДНК. Данные в реальном времени попадали в базу данных, и обладатели положительного результата объявлялись полицией в розыск для принудительного лечения.

Мел соскребла ногтем в пробирку частицы запекшейся крови с манжета. Девушка с ресепшн и пожилая женщина по другую сторону стойки покосились на неё. Автомат предупредил, что придётся подождать двадцать минут, и Мел, не обращая внимания на женщин, уселась на диван рядом. Свежо и сладко пахло сиренью, приятный ароматизатор.

— Эри, новости.

Прямо в ухе, неслышный для окружающих, отозвался голос электронной помощницы:

— Статистика по трансу: 544 новых случая за сегодня в Петербурге, 11 357 — на Земле. На семь десятых процента больше, чем вчера, но на четыре десятых меньше, чем в воскресенье.

— Много.

— Официально, колебания в пределах нормы. Рост незначительный. Население тоже растёт.

— Роста не было с пика в первый год.

— Предварительное голосование... Живём, Мел! Шестидесят три процента — Висмонт Эдивейн, двадцать четыре

— Уильям Морозов.

— Папа... я не сомневалась, — Мел прикрыла глаза и улыбнулась.

Люди оценили и новые школы с садиками — теперь в густонаселённых новых районах не было проблем с местами, и оснащение больниц, и игровую туристическую программу, покрывшую часть расходов на всё это, и раскрасившую город красно-синими и желто-чёрными автобусами вертикального взлёта. Красно-синие развозили туристов по готовым программам осмотра достопримечательностей. На личной карте туриста в посещённых местах появлялись его фото и видео, а ещё — ачивки вроде «Видели ночь» за пять разведённых мостов или «Златоглавый» за десять куполов соборов с высоты птичьего полёта. Но изюминкой стали случайные маршруты-квесты. Садись в желто-чёрный автобус — и не знаешь, где окажешься, разгадывая загадки шестисотлетнего города. Мамина идея.

Уильям был мэром до отца, и надеялся сменить его этой осенью. Но, кажется, отдохнуть ему ещё рано, и будет второй четырёхлетний срок.

— Эри, что в сообщениях?

Кольцо зажгло экран на руке Мел, и Эри суммировала:

— Анна довольна статьей, идёт в завтрашний выпуск. Папа извиняется за испорченный ужин вчера. Лис и Лори треплются о парнях — тут без сенсаций, — Эри фыркнула, — пустое. Саша зовёт к себе на шашлыки в субботу, м-м-м, а

он настойчив, что скажешь, Мел?

— Если будет, как я думаю, я буду занята в субботу, — и Мел забегала пальцами по виртуальной клавиатуре, набирая ответы. Надиктовывать заготовки Эри, на радость любопытным женщинам, не хотелось.

3. Освободи

Белая точка. Курсор мигает рядом. Пахнет свежестью, влажной зеленью и мокрой землёй после дождя в открытое окно. Ветерок легчайший, только и может, что пробежать холодком по коже да пошевелить прядь на плече. Статья дописана. Объявлять войну страшно. Объявлять вслепую — втройне. Безумие. Но теперь выбор — иллюзия.

Нет, в судьбу Мел не верила. Она верила в дерево. Каждое решение продвигает тебя вперёд по ветвям твоего дерева, множества доступных тебе жизней. Твои возможности не безграничны, как и ветви деревьев. И раз ступив на ветку, обратно не повернуть. Доступными остаются только более тонкие веточки этой большой ветви. Но выбор всегда твой. Есть решения крупнее, есть мельче, но только тебе решать, окажешься ли ты на вершине, под солнцем и звёздами, или в тени у самой земли.

Так что... у неё, у такой, был ли шанс забыть, пройти мимо? Выбрать покой и безопасность себе и отцу, и даже коллеге Юле, оставив Тейса в «Фениксе»?

У журналистки. Нетрудно понять, в какую мшистую низину раскидистой журналистской ветви растёт веточка из такого трусливого решения. Мел хотелось верить, что она уже давно миновала ту развилку.

У дочери мэра. Не самая слабая позиция. Это и опасно:

положение даёт ещё одну иллюзию — иллюзию защищённости, даже неуязвимости. Кто посмеет тронуть дочь мэра и нажить такого врага? Справедливый вопрос, но не когда речь о трансокартелях. Там ставки могут быть куда как выше, а Мел их не знала.

За окном прилетел голубь и уселся на ветку. Прошелся туда-сюда, и голова его металась нервно вперёд-назад в такт шагам.

Пусть. Похоже, выбора на самом деле нет: «Подойди!» — так её голос не кричал ещё никогда, это так похоже на судьбу. Страшно. Страшно, и она решила спросить. Страшно: а если некому ответить? Но нет, голос чистый, чёткий и ясный, громкий и сразу.

«Освободить его?»

«Да. Освободи»

Голубь замер на ветке. Его глаз смотрел прямо на Мел, такой простой чёрный шарик, будто и не глаз вовсе, а пластиковая бусина, вдавленная ровно посередине головы детской игрушки дрогнувшей рукой так, что вмятина осталась вокруг неё. Голубь взлетел и быстро скрылся из виду. Мел нажала «отправить».

— Эри?

— Да, малышка?

— Напомни: связаться с ними в субботу в четыре дня. Напомни за час.

— Ты меня переоцениваешь, чтение мыслей — со следу-

ющим апдейтом. С кем?

— Этого тебе знать не нужно, прости, мало ли что. Просто напомни точно как я сказала.

— Сделаю.

— И... заблокируй Сашу, Венглинского.

— Вот ты ж роковая женщина. Принято.

— Привет, — Мел протянула руку. — Мел, Мелодия Эдвейн.

— Дочь мэра? — Тейс удивился так, что забыл смутиться, хотя губы всё ещё помнили шёлковый платок. Опомнился, пожал её руку:

— Привет.

Как и обещала, Мел записалась и пришла через день, когда Тейс должен был полностью восстановиться после ломки, по словам Дрейка. В его палате взгляду не за что было зацепиться: серые стены, койка и тумба да пара гантелей в углу. Только солнце светило в окно, и его радостный свет был тут таким же инородным, как павлиний хвост у голубя. Тейс выглядел абсолютно нормально, как тогда, у окна в тёмном коридоре.

— Это что-то меняет?

— Нет. Просто не ожидал, — он замолчал. Дядя мог слышать и видеть всё — казалось, ничего нельзя было сказать или спросить. Поэтому он произнёс просто:

— Спасибо.

— Не за что, — Мел присела на край кровати, улыбнулась как-то слишком широко и дёрганым движением хлопнула пару раз по серому больничному покрывалу рядом с собой, — Расскажи, как у вас тут жизнь, распорядок, что делаете.

Тейс сел рядом, облокотился на широко расставленные колени, глядя в пол:

— Не очень-то разнообразно, — он взглянул на неё из-под чёрной чёлки и улыбнулся, как бы извиняясь. — Подъём в семь, общая зарядка в семь тридцать, процедуры. Завтрак в столовой в девять. Свободное время. Процедуры перед обедом, он в два. Снова свободное, ужин в семь, процедуры, свободное, сон.

— Что делаешь в свободное время?

— В основном, тренируюсь, читаю, играю в нейробол, зеро-ж.

— Ого, зеро-ж? — не самый простой спорт, и Мел уважительно покачала головой совершенно искренне.

— Да, наркотик нарушает нейронные связи. А тут только пытаешься дать пас, и — раз, гравитация поменялась. Приходится перестраиваться. Так они восстанавливаются быстрее. Мозг боится иначе не успеть за переменчивой внешней средой, и ускоряет процесс. А игра в команде готовит к возвращению в общество и общению с людьми.

Мел это всё уже знала. Как раз описывала в недавней статье стадион для зеро-ж, оборудованный в «Фениксе». Поле с

переменной гравитацией — штука дорогая, Дрейк особенно гордился его запуском и подробно рассказывал, что, как и зачем. Но говорить об этом Тейсу она не стала, только снова убедилась, что с головой у того всё в порядке, и поддержала разговор:

— Ну, с нейроболом ещё понятнее: когда ты с командой ещё и мяч должен довести до ворот силой мысленной концентрации, и он падает каждый раз, когда кто-то отвлётся...

— Да, нарушенные контакты между нервными клетками начинают укрепляться ещё быстрее. Поэтому в нейробол здесь заставляют играть вообще всех, почти сразу по приходу. Нам в команду снова новенького подпихнули, так что выигрывать мы перестали, — Тейс улыбнулся одним уголком рта и пожал плечами. — Как-то так: спортзал, книги, тренажёрка. Это в будни. По субботам тут традиционный спектакль — день выписки, — он усмехнулся, но прозвучало это горько.

— День выписки?

— Да, в десять вся клиника собирается в холле на первом этаже и умиляется объятиям выздоровевших и их родственников, — Тейс отвернулся, — это мотивирует тех, кто остался.

— Обязательно для посещения?

— Да.

— Ты не пропустил ни одной субботы?

— Бывало, пропускал, из-за ломок.

— Значит, ты был наркоманом, по-настоящему?

— Да.

Он сказал это горько, но с вызовом — и замолчал. Спустя несколько долгих секунд повернулся и заглянул ей в глаза, но Мел не дала сказать:

— Завтра будешь?

— Да, послушай, Мел, я... я понимаю, то, что ты видела...

Мел помотала головой и пристальным взглядом заставила замолчать:

— Не надо, Тейс. Я всё видела, — она встала, подошла к двери и обернулась. Он сидел, уперев кулаки в кровать и стиснув зубы. — Увидимся.

Тейс поднял голову. Она улыбалась.

— Как ты? Что-то не так? — отец осторожно, чтоб не звякнули, положил вилку и нож на стеклянный стол, оперев их о тарелку со съедобным круглым содержимым. Чёрные полосы делили блюдо на красно-жёлто-синие фигуры в стиле кубизма.

Он сидел в тёплом жёлтом круге света. Из всего освещения только эта лампа над столом и горела. За окном было то самое время суток, когда темнота только начинает сгущаться, и ты внезапно понимаешь, что это не просто туча: солнце сегодня уже не выглянет, и, хоть и есть ещё время до ночи, но светлый солнечный радостный день уже точно позади.

— Ничего серьёзного. То же могу спросить у тебя. Что случилось, пап? — Мел откинулась на спинку стула.

— Транс. Растёт число подсевших. Медленно, как будто случайные колебания, но закономерно. Такого ещё не было со времён создания клиник.

— Заметила. Есть идеи, почему?

— Идеи есть, нет подтверждений. Безопасники, полиция, «Феникс» — все будто превратились в беспомощных младенцев. Никаких полезных результатов. Все вроде заняты, проверяют, работают, но... что-то здесь крупно не так.

— Что Президент?

— Спросит с Донована, а тот — с меня. На Евразии рост самый большой, а здесь, в столице — больше, чем где-либо.

Мел нахмурилась:

— И в чём дело, как думаешь?

Висмонт откинулся на стуле, метнул взгляд куда-то вверх и в сторону, хлопнул себя по коленям и, вскинув брови, посмотрел на дочь:

— Картели активизировались, это ясно. Два вопроса: почему и как. Как — попроще. Думаю, и это безопасники мне косвенно подтвердили, реинвестируют гораздо больше прибыли в увеличение сети распространителей. Почему — вот то, что мы не знаем.

Писк мультиповара трижды резанул по ушам. Мел достала тёплую тарелку и села напротив отца.

— Но у тебя есть гипотезы, — утверждение, а не вопрос.

— Хочу надеяться, что мы их прижали за последние годы, и эти конвульсии — предвестники конца. Что они боят-

ся лекарства, которое разрабатывает «Феникс». Оно должно мгновенно связывать молекулы транса, замещать их безвредными соединениями, и выводить из крови, не оставляя зависимости. Это номер раз.

— А два?

— Тестируют что-то новое. Или готовятся к этому. И если так, мы не готовы. Разведанных нет. Все попытки что-то выяснить как о невидимую преграду спотыкаются. Мы как мимы, понимаешь? У нас работают нормальные ребята, профессионалы. Но как только дело касается транса, результатов нет. Когда результаты работы плохие, часто трудно сказать, что конкретно человек делает не так. Слабо тут, здесь, или там... Я меняю людей, пробую рокировки между службами и отделами — кажется, всё напрасно. Как думаешь, что это может значить в худшем случае? — спросил он, глядя на неё. Губы его сжались, одна кустистая, с сединой бровь поднялась и опустилась.

Мел внутренне содрогнулась:

— Спрут картелей опутал весь аппарат власти?

Отец прикрыл глаза и пожал плечами, потом взглянул на дочь:

— Я хотел бы и дальше доверять своей команде. Но вынужден искать кротов.

Помолчали.

— Всё, Мел, давай есть, пока совсем не остыло. Твой абстрактный стейковый экспрессионизм божественно пахнет.

Мел снова вошла в белый больничный холл. Помпезный, исполинский, раньше он казался ей нелепым. Сейчас стало ясно, размер оправдан. Сотни людей в серой одежде окружили пустое пространство посередине. Стремительные колонны опоясали его и слились в перекрестные арки в вышине купола. Прямо напротив неё на трибуне возвышался Дрейк. Сейчас он молчал, а в центре зала, на мозаичном фениксе, обнималась семья: пожилые мать и отец встречали сына лет двадцати. «Феникс» расправлял огненные крылья в яростных всполохах на белом каменном полу. Голова его была ещё опущена, как у грациозного лебедя, будто он и сам не до конца верил в чудо воскрешения. Большинство смотрели на них, но кто-то скучал тут и там, подпирая колонны. Семейю заливал тот радостный солнечный свет, что бывает только утром: чуть робкий, такой контрастный на фоне ночной темноты, и оттого такой долгожданный. Он перекрещивался пятнами, лился из окон от пола до потолка, высокого, как в главных городских соборах, и от такой высоты окна казались узкими, хотя, раскинув руки, было не достать от края до края.

Дрейк заметил её сразу, и больше не отводил глаз, пока она приближалась к трибуне, обходя центр зала по дуге. Мел искала глазами Тейса, но не увидела его в толпе. Не говоря ни слова, она протянула две бумаги Дрейку, склонившемуся к ней с возвышения. Одна — распечатка отрицательного результата анализа с идентификацией личности Тейса по ДНК.

На другой было напечатано: «Выпишите его сейчас. Если я не сделаю звонок в оговорённое время сегодня, эта статья будет в завтрашнем номере» — и копия её статьи под заголовком «Владелец «Феникса» силой удерживает здорового племянника в клинике». Дрейк поднял пропитанный злобой и усталостью взгляд от бумаг, но Мел рядом уже не было. Она пробиралась через серую массу, разбавленную редкими цветными вкраплениями посетителей, в поисках Тейса. Дядя позвал санитаря, шепнул что-то ему на ухо и заполнил холл своим звучным усиленным микрофоном голосом, объявляя следующую счастливицу.

Скучающий взгляд, заинтересованно-похабный с прищуром, испуганный — и все одинаково серые, все не те. Как отыскать Тейса в этой толпе? Мел уже начала нервничать, когда он сам подхватил её за локоть:

— Мел? Что ты сделала?

— То, что ты хотел. Он выпустит тебя сегодня.

Девушку встречала пожилая женщина, они соприкоснулись лбами и задержались в объятии, закрыв глаза.

— Почему?

— Помнишь, я порезала тебе руку? — Мел взяла его за плечо, чуть повернула, чтобы ему было видно, и провела ладонью по затягивающейся бугристой царапине. — Я пропитала рукав твоей кровью и сдала на анализ. Отрицательно. Ты здоров, это в общей базе, и, если он не выпустит тебя прямо сейчас, завтра об этом узнают все.

Тейс сжал губы, поигрывая желваками, и пристально посмотрел на неё исподлобья:

— Ты подстраховалась? А если он сейчас просто трансирует тебя?

— То я не позволю сегодня вечером, чтобы отменить публикацию.

Он выдохнул, и глаза его, наконец, засветились таким облегчением и надеждой, что Мел улыбнулась.

— Спасибо тебе... Ф-с-с-с! — он дёрнулся, втягивая воздух сквозь стиснутые зубы. Схватился за плечо, обернулся, чтобы увидеть спину удаляющегося санитаря, и вернулся встретить обеспокоенный взгляд Мел. — Укол.

С минуту они молча смотрели друг на друга, ждали, замерев. Ничего не происходило.

— Это не транс, — наконец шепнул Тейс, опуская глаза. — Уже подействовало бы.

— Что ты чувствуешь? — Мел бросила взгляд на центр зала: мужчина в возрасте медленно брёл к выходу в одиночестве.

— Пока ничего.

— Дрейк не может трансировать тебя здесь. У тебя отрицательный результат в базе. Ты не покидал клинику. Если отрицательный затрётся положительным, это будет значить, что тебе вкололи транс здесь, в клинике. Чтобы упечь обратно, ему сначала надо выпустить тебя.

— Кажется, так. Значит, придумал что-то другое. Он не

отпустит меня.

— Посмотрим. Когда прозвучит твоё имя, бежим на выход, прыгаем в машину — я подгоню её к дверям — и пулей отсюда.

Тейс кивнул. На лбу у него выступила испарина. Спустя три озвученных имени он повернулся к Мел:

— Он тянет время. Ты можешь пострадать. Ты всё сделала, уходи.

— Спокойно. Кто тогда увезёт тебя? Сделаешь шаг за ворота — и сядешь на иглу ещё на три года. Он идёт по алфавиту? Сейчас только В.

Тейс кивнул и стиснул зубы. Мел присмотрелась к нему. Отметила испарину. Дыхание его участилось, стало неровным.

— Что с тобой?

— Не знаю. Плохое предчувствие, — он поморщился, потёр затылок, — аж сердце замирает.

Прошло ещё человек пять. Ирина Исаева вложила руку в протянутую ладонь пожилого мужчины, возможно, отца, они направились к выходу.

— Прости, что втянул тебя в это, — Тейс не повернулся к Мел, он смотрел на удаляющихся мужчину и девушку, как разъезжаются перед ними стеклянные двери в стрельчатой арке, и они шагают в столп солнечного света, хлынувший оттуда, как в портал. — Думал, другого выхода нет, но...

— Но что? — Мел повернулась, чтобы увидеть его лицо.

Струйка пота стекала по виску. Глаз было не видно из-за косой чёлки на правый бок.

— Да нет, глупость, — он сжал кулаки.

Ещё человек десять. Большинство встречали, и моменты были действительно трогательными. Но некоторые уходили в одиночестве. Дрейк объявил: «Грейс Николсон. Мы рады за тебя, будь счастлива и никогда не возвращайся». Мел сжала губы, повернулась к Тейсу. Он закрыл глаза — напряжённый, со сжатыми кулаками, грудная клетка прерывисто вздымается и опускается — как бомба с догорающим фитилем.

— Тейс, — позвала Мел.

Он открыл глаза, и взгляд его ей не понравился. Тяжёлый, чёрный — зрачки расширены так, что почти не видно карих радужек, в нем проступало безумие и... страх?

— Я не могу здесь оставаться. Он не выпустит меня, а я должен вырваться, — и он рванулся к выходу. Мел метнулась следом и схватила его за руку — благо Тейсу приходилось пробивать себе путь в толпе. Его рука снова была ненормально холодной. Его передёрнуло.

— Стой, — Мел с усилием схватила его за вторую руку и развернула к себе. Да, ошибки не было: на его лице было написано отчаяние, и его колотило от страха. — Стой же. У вас побеги были? Чем они кончались?

Он зажмурился, помотал головой, проморгался:

— Я видел две попытки. Санитары у ворот ловили их и возвращали в клинику.

— Вот видишь. Ты не сбежишь. Нужно ждать, пока Дрейк не назовёт твоё имя.

— Уже Н. Он не назвал, и не назовёт, — Тейс больно стиснул её руки.

— Ай!

Он тут же отпустил и, не зная, куда деть свои, скрестил их на груди:

— Прости.

— Ничего, — она положила ладони ему на плечи, и он снова вздрогнул. Мышцы его были как каменные. — Тебе страшно?

— Да, — тихо выдохнул он, поморщившись, прикрывая глаза.

— Вот и ответ. Тебе вкололи что-то нервно-возбудимое, что-то, что вызывает чувство страха и заставляет вести себя неадекватно. Дрейк хочет, — последнее слово она произнесла с нажимом, — чтобы ты побежал. Он позволит тебе выбежать за ворота. А там вколет транс и упечёт обратно. Посмотри на меня, — она сжала руки на его плечах, и он открыл глаза. — Мы выйдем отсюда сегодня, легально. Веришь мне?

Тейс смотрел на неё. Он тяжело дышал, зрачки его бегали, переключаясь с правого глаза Мел на левый и обратно. «Чёрт, — подумала она, — он с каждой минутой всё меньше себя контролирует, и будет только хуже». Наконец, он ответил:

— Да. Но это сильнее меня.

— Пошли, — Мел развернулась и потянула его за собой.

— Куда? — он не стал сопротивляться.

— Как можно дальше от выхода.

— Прямо за спину дяде? Рядом с санитарями у главного коридора встанем?

— Хоть им на головы, если потребуется. Главное — удержать тебя.

Он дёрнулся и остановился, рывком тормозя и Мел.

— Ты чего? — она обернулась.

— Не хочу приближаться к ним, — он попятился, быстро и тяжело дыша. — У них всегда при себе пара шприцев, чтобы сделать тебя беспомощным, а потом... что захотят.

Она сжала его руку:

— Они уже сделали свой ход. Всё будет напрасно, если ты побежишь. А я не успею удержать, если ты будешь близко ко входу. Так что — как можно дальше. Но не рядом. Идём.

Она остановилась позади Дрейка, их отделяло от него несколько человек, и компания из троих пациентов — от санитаров на посту. Повернулась к Тейсу, развернула его так, чтобы ему не было видно ни дядю, ни санитаров. Он попробовал обернуться, но Мел дёрнула его за плечо, от чего он ожидаемо вздрогнул:

— Нет, смотри на меня. Дыши глубже. Подумай о хорошем, о том, что сегодня будешь делать на воле. И смотри только на меня, ясно? — Тейс кивнул. — Эри.

— На посту, Мел, — раздался голос у неё в ухе.

— Препарат по симптомам.

Эри хихикнула:

— Может, тебе стоило стать врачом? — но Мел не отреагировала.

— Сильное, нарастающее чувство страха. Холодный пот. Расфокусированное внимание, неадекватное поведение. Дрожь при прикосновении. Тейс, что ещё?

— Боль. Когда прошибает судорога, это больно. Гипертонус всех мышц, и усиливается — наверно, поэтому. Особенно шея, сзади, аж голову тянет.

Мел поморщилась, но быстро взяла себя в руки: жалостью ему сейчас не поможешь:

— Слышала, Эри? Что это? — не переставая смотреть ему в глаза, Мел развязала шейный платок. Горчичный костюм с широкими брюками от бедра заметно поскучнел без зелёной поддержки.

— Дай минутку...

Мел хотела стереть пот, но даже от прикосновений к лицу Тейс слегка вздрагивал, так что она ограничилась только лбом. Он опустил глаза и горько усмехнулся:

— На меня платков не напасёшься, да?

— Мы это исправим. Он больше тебя не тронет. — Тейс снова посмотрел на неё. — Этот раз — последний. Надо только выдержать.

— Мел, — позвала Эри, — с вероятностью семьдесят во-

семь процентов — одно из синтетических стрихниноподобных соединений.

— Это обратимо? — на миг Мел взглянула куда-то в потолок, чтобы показать, что разговаривает с Эри, и тут же снова поймала взгляд Тейса.

— Да.

— Когда закончится действие?

— Полностью на выбор создателя соединения, прости. Известные модификации — от получаса до суток, зависит ещё и от дозы, и сопротивляемости организма. Но у вас тут исследовательская лаборатория как раз по этой части — учитывай, это может оказаться неизвестная модификация.

— Есть противоядие?

— С противоядием не выйдет. Мне жаль, малышка, одни плохие новости для тебя сегодня. Девяносто три процента — что это производная стрихнина или другое вещество, активизирующее процессы возбуждения в мозгу. Но есть оставшиеся семь процентов, что это вещество противоположно-го действия — угнетающее процессы торможения. Их противоядия противоположны. Дашь ему что-то от стрихнина — и добьёшь, если не угадала. Противоядие — только после анализа.

— Я могу ему как-то помочь?

— Постарайся повысить выброс эндорфинов.

— Гормоны радости?

— Да. Чем больше в его крови эндорфинов, тем слабее

действие нейротоксинов. Ослабнет чувство страха, напряжение мышц, и прикосновения не будут так болезненны. Радостные воспоминания, разговоры о любимых занятиях, что угодно, что его отвлечёт и обрадует.

— Спасибо.

— Ну, что? — Тейс пытался глубоко дышать, но каждый раз сбивался и делал пару судорожных вдохов.

— Скорее всего, стрихнин. Пройдёт, но когда — не узнать. От полудня до суток, — он ничего не сказал, но страх, отразившийся в его глазах, говорил за него, — ш-ш-ш, главное — это пройдёт, это не навсегда, — напомнила Мел и положила обе руки ему на плечи.

Так они и стояли, глаза в глаза. Когда у него сбивалось дыхание, она сильнее сжимала ладонями его руки, глубоко вдыхала и выдыхала, и он повторял за ней.

Но становилось хуже. Спустя три человека он уже дрожал, не переставая. Мел заговорила снова:

— Самое радостное воспоминание.

Тейс не ответил сразу, и она добавила:

— Отвечай, не задумываясь. Первое, что пришло в голову.

Спустя долгую секунду он нерешительно начал:

— Мы с родителями. В последний Новый год, дома.

— Что ты помнишь? Расскажи.

— Ёлка. Мы с отцом её вместе украшали, тридцать первого декабря. Мама задержалась в клинике. Когда пришла,

оставалось четыре часа до курантов. Встала в дверях, склонила голову набок и широко улыбнулась, — он поморщился, а Мел сильнее сжала руки на его плечах. — И сказала: «Мальчики, я такая счастливая, как здорово, что вы у меня есть. Люблю вас». Подошла и обняла нас обоих. Мы сидели у горящей ёлки, смотрели на огонь в камине с бокалами шампанского, и благодарили уходящий год, — он закашлялся, сглотнул и продолжил, быстро и отрывисто. — Отец — за то, что они нашли противоядие, он сказал, они создали вещество, связывающее частицы транса, нейтрализующее их и замещающее так, что не будет ломок, привыкшему организму будет казаться, что транс все ещё в крови, осталось только продлить их действие и сделать их вывод постепенным — настолько, чтобы организм отвык и не нуждался в наркотике. Мама, — он снова сглотнул, брови его сошлись, образовав складочку, и снова расслабились. Было странно и неловко слушать такое сокровенное, когда он неотрывно смотрел ей в глаза, но Мел знала, что нельзя отводить взгляд, — согласилась и добавила, что она благодарна за нас, за семью, что мы здоровы и мы вместе.

Он замолчал, и Мел спросила:

— А ты? За что был благодарен ты?

— Я сказал им спасибо за возможность выбрать свой путь.

Учиться тому, что нравится, там, где захочу. И, — он снова поморщился, — ушёл, едва мы чокнулись бокалами под бой курантов и обменялись подарками.

Он замолчал, и она его не торопила. Дрожь унялась, это было главное. Но он продолжил:

— Я хотел провести эту ночь с друзьями, с Викки.

— Твоя девушка?

— Да. Бывшая. Она даже приходила два раза навестить меня здесь. Потом я её не видел, — он отвернулся и посмотрел в пол. — Я не знал, что это был последний наш с родителями праздник.

— Ты не виноват.

Мел почувствовала, как начали снова подрагивать его руки:

— Давай ещё. Счастливое воспоминание.

— Не знаю, я не помню... — его глаза снова казались мутными, и Мел испугалась.

— Ты занимался боевыми искусствами, — Тейс моргнул, и его взгляд стал осмысленнее, — я в Майпике видела. Что это было? Ты сейчас продолжаешь?

«Пол Александр Федоров, — прозвучал в тишине голос Дрейка. — Мы рады за тебя. Пусть теперь твоя мечта лечить животных осуществится».

— Да. Стараюсь тренироваться в зале каждый день, когда могу. Самбо. Когда мне было девять, я выиграл городские соревнования в своём возрасте и весе. Медаль вручили, золотую, даже на пьедестале постоял, — он улыбнулся, и Мел чуть расслабилась — дрожь снова отступила. — Отец тогда не смог прийти, а мать была. Кричала из первого ряда, скла-

дывая руки рупором... я слышал её голос в последнем бою. А когда мы сошли с пьедестала почёта, подбежала, обняла, и шепнула, что гордится. У неё так глаза горели, даже слёзы проступили, — он помолчал. — Спасибо, Мел. Мне и сейчас неловко, а потом я, наверно, вообще... — он смущённо улыбнулся, отвёл взгляд, потом снова посмотрел на неё, — но спасибо.

«Эми Янг. Ты молодец, мы гордимся тобой. Впереди тебя ждёт только свет и вдохновение. Рисуи, ждём твоей выставки. Иди и не возвращайся».

Тейс и Мел смотрели друг на друга, он больше не дрожал. Эми встретила совсем пожилая женщина, они обнялись и всплакнули. Потом скрылись за дверью, и Дрейк объявил, пристально глядя на Мел, так, что она тоже взглянула на него поверх плеча Тейса: «Спасибо, что разделили сегодня эту радость с друзьями. Помните, вы все теперь ещё чуть ближе к возвращению домой», — и он замолчал.

Тейс закрыл глаза. Мел сдавила его плечи. «Неужели?..» — подумала она, — «Нет, не может быть, он цепляется за последний шанс, надеется добить его». И тут Тейс распахнул глаза, и Мел ужаснулась: в них не осталось ничего, кроме безумия, лицо его исказилось от напряжения мышц.

— Я должен вырваться, я обязан, — он замотал головой, прикусил губу, — Я не могу здесь оставаться, я не могу... Не осуждай, — и, вырвавшись из её хватки, метнулся к выходу.

4. Удержи

Краем глаза Мел уловила, как Дрейк ухмыльнулся, впрочем, безрадостно. «Нет, нет, нет, не когда мы так близко... Он выпустит нас? Удержать его?» — мысленно завопила она. «Да!», — был мгновенный ответ. «Эндорфины?..» — только и успела подумать она, и чертыхнуться.

Мел рванулась за Тейсом — в толпе догнать его было нетрудно, схватила за футболку, дёрнула назад, развернула к себе и прижалась губами к губам.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.